

Путь к творчеству

О черк

Окна домов распахнуты настужь, летнее солнце заливает улицы. Жаркий, сухой запах раскаленного железа смешивается с запахом влаги, веющим от политой мостовой, и легким, неизъяснимо сладким ароматом отцветающего жасмина. Гремит трамвай, сигналият машины, по-южному громко разговаривают прохожие... И вдруг сквозь этот оживленный городской шум проступает нестройный, певучий рокот.

Вслушайтесь, и вы различите, как зазвистит, точно иволга, флейта, как вздыхают виолончели, как протяжный голос гобоя тихонько твердит музыкальную фразу...

Это оркестранты настраивают и пробуют инструменты.

Из вестибюля здания филармонии можно увидеть зал, в котором идет репетиция. На маленьком возвышении стоит дирижер.

И вот первый взмах палочки, — как разрешенье, как призыв.

В ответ ему откликнулась музыка.

Дирижер то приказывает скрипкам, то широким жестом приглашает вступить мощную медь оркестра и одним мановеньем заставляет ее стать легкой, точно дыхание. И вдруг, рассекая музыку, снова слышится стук дирижерской палочки.

— Попрошу повторить, начиная с седьмого такта, — говорит дирижер. — Скрипки, — тише, проникновенней...

Набонец, репетиция окончена.

Дирижер еще стоит на своем возвышении. Лицо его утомлено, но глаза блестят, волнение еще озаряет их беглым, чудесным блеском...

Мы познакомились с Николаем Филаретовичем Колесса, композитором, дирижером оркестра Львовской государственной филармонии, побывали на репетиции, ощутили сердцем волнение художника, его дарование, его творческую волю. Но вот, слушая, как он рассказывает о себе, оглянулись назад и увидели такой длинный, такой удивительный человеческий путь...

Где-то в начале этого пути стоит худенький восторженный мальчик, каким был дирижер много лет назад. Его отец — композитор, музыкальный фольклорист, неутомимый собиратель народных песен и

мелодий. Вместе с отцом мальчик ездит по украинским деревням, попадает на Карпаты, в Гуцульщину, слушает и запоминает народные песни. Он начинает играть на фортепиано, — отец занимается с ним.

Юноша кончает гимназию. Отец решает, что сын будет врачом, — он хочет для сына прочного, солидного достатка. В ту пору профессия музыканта, как отец убедился на собственном опыте, сулила много тревог, жизнь, полную забот.

Николай Колесса поступает на медицинский факультет. Он прилежно изучает анатомию; сидя у микроскопа, знакомится с наукой о тончайшем строении животных и растительных организмов. Наклонившись над окуляром, он тихонько напевает тему симфонии. На первом курсе студент-медик слышит девятый концерт Бетховена. Ночью после концерта будущий врач в волнении шагает по тихим улицам Львова. В ушах его торжественно и властно звучит музыка. В ту ночь он решает свою судьбу: он будет только музыкантом.

Оставив медицину, Николай Колесса уезжает из Львова в Прагу. В Пражском университете он изучает музыковедение, слушает лекции Зденека Неедлы. В часы, когда пустует класс Неедлы, он занимается на его рояле. Все более глубокое изучение музыкальных сокровищ обогащает Николая Колесса, будит в нем стремление к сочинительству, композиции. Он пишет свое первое музыкальное произведение.

Как рождается музыка? Архитектуру называют «музыкой камня». В построении музыкального произведения есть стройность и гармония архитектуры. Сколько истинной поэзии, глубины и вместе с тем сколько благородной строгости созидания в настоящей музыке. И вот на лист ложится запечатленное вдохновение, где все — мысль и волнение, разум и поэзия, сила и гармония, — все обрело строгую, точную

форму, переданную беглой записью нотных знаков.

Украинскую оркестровую сюиту молодого композитора прослушал Глазунов, в ту пору находившийся в Праге. Глазунов подарил ему свой автограф — две строчки из 6-го квартета с надписью: «Талантливому, многообещающему молодому композитору Николаю Колесса от преданного ему Александра Глазунова».

Последняя весна в Праге... Закончив обучение сразу по двум специальностям — по дирижированию и по композиции, Николай Колесса возвращается на родину, во Львов. Но сбываются опасения отца: молодой, образованный музыкант, дирижер и композитор, не может найти работу.

В те годы во Львове не было ни своего симфонического оркестра, ни оперы. Как часто в мечтах молодой музыкант видел себя дирижирующим симфоническим оркестром, который исполнял его произведения. Мечты не слились с жизнью. Никогда еще не знал он такой щемящей, такой горькой неудовлетворенности.

Но наступил 1939 год.

Западные области, некогда насильственно отторгнутые от родной Украины, воссоединились с Украинской Советской Социалистической Республикой. Львов стал советским городом. Николай Колесса — активный деятель Союза советских композиторов во Львове, его избрали депутатом городского Совета, он поехал на пленум композиторов в Киев, всей душой окунулся в кипучую, новую жизнь. Вместе с организованным симфоническим оркестром он поехал на гастроли в Москву, вернулся во Львов окрыленный, полный творческих планов.

И вдруг грянула война.

Многое пришлось пережить в трудные военные годы: тяжесть оккупации, горе утраты, мрачный гнет фашизма. Наконец, пришел час освобождения, Львов вновь стал советским городом. Николай Колесса включился в работу с жадностью, с упоением, — так человек, истомленный жаждой, бросается к ручью. Он дирижировал в опере «Травиатой»; он давал симфонические концерты, возглавлял класс дирижиро-

вания в консерватории. Ему предложили быть художественным руководителем капеллы «Трембита», и он согласился. Он видел новые города, новых людей, слушал грузинские хоры в Тбилиси, был на празднике песни в Таллине, знакомился с искусством Армении и Латвии. Воочию увидел он, как крепка дружба советских людей, нерушимая и в борьбе с врагами Родины, и в созидании.

Николая Колесса избрали депутатом Львовского областного Совета. Композитор поехал на первую встречу со своими избирателями в колхоз.

Он много лет не бывал в деревне. В памяти его остались детские воспоминания от поездок по деревням вместе с отцом, — воспоминания, в которых смешивалось все: идиллические звуки сопики и нищета, живописные холмы и неграмотные, темные деревни. И вот он приехал на полевой стан. Пока собирались избиратели, ему предложили просмотреть книги в библиотеке, послушать радио. Стал сходить к народу. Шли веселые, смуглые девушки, одетые в комбинезоны; шли юноши в рабочих куртках, шли старики с трубочками...

Композитор начал свою речь, запинаясь и волнуясь; ему хотелось сразу рассказать обо всем — о старой деревне, так непохожей на ту, что он увидел сейчас, о музыке, о Москве. Избиратели давали ему наказы. Он еле успевал записывать, — колхозники просили почаще присылать к ним лекторов и хороших артистов, помочь в проектировании колхозной электростанции, наладить передвижную библиотеку, подтолкнуть строительство колхозной десятилетки. Его повели осматривать колхозное хозяйство; с наивным удивлением композитор глядел на светлые здания ферм, его изумляло все — и белые халаты доярок, и электропоилки, из которых шумно вздыхая, пили рыжие коровы. Он отвечал на вопросы, спрашивал сам, а в голове его уже звучали мелодии, музыкальные фразы, вступление к новой песне...

Как записать, как воплотить в музыку все то, что он увидел и переживал, разговаривая с колхозниками, дыша полной грудью воздухом полей? Несказанно изменилась деревня, преобразились ее люди. Захваченный и потрясенный великим преобразованием, он не отдавал себе отчета, как глубоко изменился за эти годы и он сам.

Трудолюбивый, тонкий художник, он стал общественным деятелем. Духовный мир его обогатился, новые горизонты открылись перед ним и в искусстве, и в общественной жизни. Его творческая жизнь наполнилась новым, благородным смыслом — он вступил в ряды Коммунистической партии. Композитор, влюбленный в творчество народа, он ощутил в себе силу строителя, зоркость хозяина. И эта хозяйская зоркость, чувство, государственной ответственности явственно сказались в пресом рассказе депутата о делах в Бобрском районе.

В Бобрском районе, как и во многих украинских деревнях, сильна в сердцах людей любовь к музыке. Был в деревне мастер, что делал скрипки; инструменты его полюбили крестьянам. Кто-то из деревенских музыкантов приобрел в городе старенькие флейты, виолончели, оправдав непредвиденный расход игрой на свадьбах. И вот уже в годы советской власти музыканты составили колхозный симфонический оркестр. Оркестр рос, репертуар его пополнялся; коллектив ездил в Киев на смотр самостоятельности и с успехом показал там свою работу.

— Сколько у колхозников любви к музыке, сколько горячего стремления к искусству! — сказал композитор. — Вот вы поезжайте в Бобрку, все увидите сами... Но поразительное дело! — Он развел руками, и глаза его сердито блеснули. — В районе о колхозном оркестре забота больше на словах!

И мы поехали в Бобрку...

...Оркестр расположился в зале полукругом. У скрипачей — большие, крепкие руки, с взвешенной в трещинки землей, — могучие руки хлеборобов. На носу у гобойста очки в железной оправе; играя, он отбивает такт ногой в огромном чоботе. Валторнист сфальшивил, и гобойст свирепо покосился на него из-под очков, — видно, он человек серьезный... Справа сидит вторая скрипка, девочка лет шестнадцати с торчащими косичками; она смотрит в ноты самозабвенно, восторженно, уйдя всем существом в самый процесс игры. Барабанщик торжественно возвышается над своим инструментом, на молодом его лице написано: «Что ни говорите, а без барабана вам не обойтись...». На флейте играет высокий худой человек с седой головой, лицо его освещено детской, простодушной мечта-

тельностью. Это сельский учитель; его сын и дочь, когда-то тоже игравшие в этом оркестре, сейчас учатся в Львовской консерватории.

Репетицию проводит первая скрипка — колхозник Мартынов. Вот встал он у пюльта, вот взмахнул вместо палочки смычком, — и звуки «Славься» Глинки грянули в зале.

Музыка плыла над сельскими дорогами, над полями, где колосился хлеб, над салами, где наливались плоды, и люди прислушивались к ней, умолкая, и дети льнули к окнам, и старики слушали, сидя на завалинках у хат. Оркестранты отдались этой музыке всей душой, могучие руки их обрели нежность, стали задумчивы, выжженные солнцем лица...

Великая радость — любить музыку. Но когда эта любовь нашла реальное воплощение, когда, кроме песенок на «веселых», колхозники играют произведения Глинки и организуют симфонический оркестр, — это уже говорит не только о любви к музыке, но и о новой ступени культуры в колхозном селе. И когда на концерты колхозного симфонического оркестра сходятся из всех деревень слушатели, и зал уже не вмещает их, и люди слушают, стоя на улице, — это тоже говорит не только о любви к музыке, но и о новой ступени культуры в колхозном селе.

И не грех бы товарищу Омельченко, председателю Бобрского райисполкома, взглянуть на концерт, поинтересоваться, как трудится колхозный оркестр, и помочь ему в его нуждах. Мог бы товарищ Шиян, «голова» колхоза-миллионера, дать копейку колхозному музыканту, а не посмеиваться:

— Дойдешь и пешком, музыка дело небольшое...

Прав был композитор Колесса в своей горячей обиде за оркестр. Он поддержит, как депутат, большое культурное дело, и, думаем, ему в облисполкоме помогут.

...Композитор Колесса, сидя у рояля, пишет песню для колхозного оркестра. Лицо его озарено вдохновением, задумчивостью, волнением... Не этот ли свет мы видели на лицах колхозных музыкантов? Это тот прекрасный, благородный свет, которым так волшебю озаряет лицо человека истинная любовь к музыке.

Татьяна ТЭСС,
спец. корр. «Известий»,

г. ЛЬВОВ.

ИЗВЕСТИЯ
г. МОСКВА

8 июл 1953